

Поход Мстислава Андреевича на Новгород 1170 г. в рассказах новгородских летописей¹

В 1170 г., 22 февраля, под предводительством сына Андрея Боголюбского Мстислава объединенные войска нескольких княжеств подошли к Новгороду. На стены города была вынесена икона Богородицы «Знамение», с которой впоследствии легенда свяжет победу новгородцев. Поскольку победа, несмотря на значительные силы противника, была одержана без особых потерь, этот сюжет стал особенно популярным в новгородской литературе.

Конфликт Новгорода и Суздаля к этому моменту уже имел свою историю: помимо усобной войны Мономаховичей имели место и факт «предательства» новгородцев и «личных счетов» Андрея Юрьевича с новгородцами. В 1160 г. Андрей Боголюбский прибыл в Волок с заявлением о желании получить под руку Новгород. Дальнейшие перипетии взаимных обвинений и развивающейся вражды подробно проанализированы Б. Н. Флорей, который показал, что новгородцы, не желая конфликта с сильным суздальским князем, арестовали сидевшего в Новгороде Святослава Ростиславича, сына киевского князя [см.: Флоря 2009]. В Новгороде вокняжился племянник Андрея — Мстислав Ростиславич. По свидетельству Ипатьевской летописи (далее — *Ип*), это было нарушением договора между новгородцами и киевским князем, по которому Святослав должен был княжить в Новгороде пожизненно. Новгородская первая летопись (далее — *Н1*) говорит о договоре между Андреем Боголюбским и князем Ростиславом Мстиславичем о возвращении на новгородский стол Святослава. В 1166 г. восстановленный договор с Киевом был подкреплён в Луках целованием креста, однако, после смерти князя киевского Ростислава, в Новгороде начались волнения, вынудившие Святослава покинуть Новгород и из Лук заявить об отказе от стола. Новгородцы «целовали Богородицу», отменяя этой присягой прежнюю, принесенную Киеву. Начались военные столкновения.

¹ Работа выполнена в рамках поддержанного РГНФ проекта № 13-04-00010.

Святослава поддержали смоленские князья и Андрей Боголюбский, очевидно, бывший гарантом договора с Киевом.

В конце концов в Новгороде вокняжился сын Мстислава Изяславича — Роман. Вследствие междоусобной войны Мономаховичей, в 1169 г. полки Владимиро-Суздальского княжества, возглавляемые Мстиславом Андреевичем, при поддержке широкой коалиции союзных войск, выгнали из Киева Мстислава Владимировича, князем киевским стал брат Андрея Боголюбского — Глеб. Годом позже многие участники этой коалиции с тем же Мстиславом Андреевичем во главе подошли к стенам Новгорода.

Одним из поводов к осаде Новгорода послужила стычка новгородских и суздальских войск на Двине в 1169 г., когда Андрей послал на отряд новгородского данника Даньслава войска, в несколько раз превосходившие новгородцев численностью. По свидетельству новгородских летописей, Даньслав с малыми потерями отступил, после чего вернулся и успешно «възяша всю дань, а на Суждальскихъ смърдѣхъ другую, и придоша сторови вси» [НПЛ 1950: 33].

Летописные известия об осаде Новгорода 1170 г. Л. А. Дмитриевым условно разделены на новгородскую, приводимую летописями новгородского круга, и антиновгородскую, приводимую *Ип* и Лаврентьевской (далее — *Лавр*) летописями, версии [см.: Дмитриев 1973]. Новгородская версия получила дальнейшее развитие, как в более поздних новгородских летописях, так и в нелетописных нарративах.

Наиболее раннее известие содержится в *Н1*, где в статье от 6677 г. С. М. приведена воинская повесть об осаде Новгорода. Ничто тут не напоминает известную по текстам XV в. Знаменскую легенду:

Въ лѣто 6677. Иде Даньславъ Лазутиниць за Волокъ даньникомъ съ дружиною, и присла андрѣй пълкъ свой на нь и бишася с ними и бѣше Новгородьць 400, а суждальць 7000; и пособи Богъ Новгородцемъ, и паде ихъ 300 и 1000, а Новгородьци 15 мужъ; и отступиша Новгородьци, и опять воротивъшеся, възяша всю дань, а на Суждальскихъ смърдѣхъ другую, и придоша сторови вси. Въ то же лѣто на зиму придоша подъ Новъгородъ Суждальци

с Андреевицеи, Романъ и Мъстиславъ съ Смольняны и съ торопыцяны, Муромъци и Рязанци съ двема князьма, Полоцьскый князь с Полоцяны и вся земля просто Русская. Новгородъци же сташа твърдо о князи романъ о Мъстиславлици, о Изяславли вѣнцуе, и о посадницѣ о Якунѣ и устроиша острогъ около города. И приступиша къ граду въ недѣлю на съборъ и съездишася по 3 дни; въ четвъртый же ден, въ среду, приступиша силою и бишася всь день; и к вечеру побѣди я князь Романъ съ Новгородъци, силою крестъною и святою Богородицею и молитвами благовѣрнаго владыкы Илие, мѣсяца феуаря въ 25, на святаго епископа Тарасия, овы исѣкоша, а другыя измаша, а прокъ ихъ злѣ отбѣгоша, и купляху Суждальць по 2 ногатѣ [НПЛ 1950: 33].

В центре повествования находится князь Роман, который, видимо, и вел новгородцев в бой: «новгородъци же сташа твърдо о князи Романъ», «побѣди я князь Романъ съ новгородъци». Младший извод *Н1* отдельно указывает на возраст князя: «нѣ детеск бяше» [НПЛ 1950: 221] (ср. в Комиссионном списке: «нѣ еще бо тогда детеск бяше сыи» [НПЛ 1950: 33]). Вероятнее всего, это позднее переосмысление сюжета, обусловленное поверхностным знанием деталей поздними редакторами.

Обращает на себя внимание фраза «бишася всь день», указывающая на то, что бой был длительным, хотя для более поздних новгородских летописей характерно описание скоротечного боя (ср. с Летописью Никольского (далее — *ЛН*): «...новгородци же выѣхавше изъ града и биша суздальцов на полѣ, а иныхъ живыхъ поимаша» [ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3: 589]). Но нельзя исключать и того, что фраза *Н1* может являться лишь топосом, свойственным воинским повестям.

В более поздних источниках новгородского круга появляются легендарные мотивы: перед боем архиепископ Новгородский Иоанн выносит богородичную икону на забрала города, противник начинает обстрел стен, икона поворачивается «лицем на градъ», а на суздальцев падает тьма. Новгородцы, выйдя «на поле», разбивают войско противников и берут богатый полон. Уже в XIV в. в новгородских летописях упоминается установление праздника в честь Знаменской иконы 27 ноября. В более поздних летописях дата праздника и вовсе заменяет дату битвы.

Летописи, восходящие к гипотетически реконструируемому своду, называемому Кратким Новгородским летописцем (далее — *КНЛ*), уже приводят дату празднования вместо даты боя, а фабула воинской повести сохраняет только основной событийный ряд. Акценты сюжета смещаются, а сюжет дополняется, вероятно, реальными подробностями, но переосмысленными и представленными так, что в жанровом отношении они сближают данные тексты с повестями о чудотворных иконах.

Тексты Рогожского летописца (далее — *Рог*), Новгородской Большаковской летописи (далее — *НБЛ*) и *ЛН* наиболее полно раскрывают редакцию текста, по все видимости, содержащейся в *КНЛ*:

Рог	НБЛ	ЛН
<p>Приидоша къ Новугороду суждалци и вся земля Роусскаа, князь Романъ Андреевич, а въ Новъгородѣ бѣше князь Романъ младъ, а посадникъ Якоунъ, владыка Иоанъ. И вынесоша икону Богородицоу на острогъ на Десятинѣ. И въ то время пустиша суждалци стрѣлы, и обратися икона на градъ, и паде на нихъ тма на поли, и вышедше новгородци побѣдиша суждалцевъ ноемврия 27 молитвами Святыя Богородица. И продаваху суждалца по двѣ ногатѣ, и оттолѣ отъяся честь Суждалскаа [ПСРЛ. Т. 15: 22].</p>	<p>О знамени Сѣй Бгѣдцы. Приидоша суздалцы к Новугороду і вся земля Руская. Кнѣзь Романъ молод, посадник Якунъ, влѣдка Іванъ вынесоша икону Сгюю Бгѣдцу на острог на Десятину. И в то время суздалцы попустиша стрѣлы, аки дождь умножень, і обратися икона лицемъ на град. И паде на них тма на полѣ. Новгородцы же, вышед, побиша суждалцевъ ноябрия въ кѣ мѣтвами Сѣя Бгѣдца. И продаяху суждалца по двѣ ногатѣ. І ѿтголе отяся слава і чѣсть суждалская. А было оѵ кнѣи [Новгородский сборник 2005: 352].</p>	<p>О знамени святѣи Богородици. И приидоша к Новугороду Суздалци и вся земля Московская ратью. Тогда князь Романъ младъ бѣше в Новъгородѣ и посадникъ Якуня, а владыка Иоанъ. И вынесоша икону Пречистіи образъ чудотворные на острогъ; и почаша лишатися Суздалцы на икону на Пречистіи образъ. И обратися икона на градъ лицемъ, Новгородци же выгѣхавше изъ града, и биша Суздальцовъ на полѣ, а иныхъ живыхъ поимаша, молитвами святыя Богородица; и продаяху тогда Суздалца по двѣ ногатѣ [ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3: 589].</p>

Все три летописных памятника излагают уже иную картину новгородских событий 1170 г.: в результате противников Новгорода покрывает тьма, не касающаяся новгородцев, и новгородцы одерживают победу.

Стоит отметить, что рассказы в *НБЛ* и *ЛН* имеют особый заголовок перед известием об осаде Новгорода 1170 г. Расположение заглавий позволяет судить о вставочном характере этого текста. В *КНЛ* заголовок «О Знаменіи Сѣтїи Бѣдци» располагался, судя по всему, на полях рукописи [см.: Конявская 2009: 73], поскольку в *ЛН* он вписан на нижнем поле, а в *НБЛ* следует сразу за двинским походом Даньслава Лазутинича — в статье от 6676 г. С. М., хотя сам текст о Знамении помещен в статью от 6677 г. С. М.:

Въ лѣт(о) ꙗꙋхос. Ходи Даньслав Лазутиничъ на Двину дани имать въ ф муж. Придоша на него суздальцев ꙗф. И бишася, и убиша суздальцевъ ѡ, а новгородцовъ паде еї, и дань вьша.

О знаменіи Сѣтїи Бѣдци

В лѣт(о) ꙗꙋхоз. Придоша суздальцы к Новугороду і вся земля руская...

Положение заглавий указывает на то, что они были добавлены позднее, а стало быть нельзя с уверенностью утверждать, что на момент составления текстов икона именовалась «Знамением». Однако культ иконы к моменту создания *КНЛ* уже сложился, о чем говорит единогласно ошибочная (во всех летописях этого круга) датировка битвы — 27 ноября, день, на который было установлено празднование в честь победы над суздальским войском [см.: Конявская 2009: 74—75]. Подобное положение заглавий подтверждает и догадку о том, что изначально известие о Двинском походе не мыслилось частью сюжета о победе новгородцев в этой легендарной версии.

В остальном, очевидно, что *КНЛ*, как общий источник ряда летописей имел совершенно иной текст, нежели *НЛ*. В приведенных рефлексх фиксируется уже устоявшаяся легенда. Роман лишь упомянут, в центре событий оказывается архиепископ Илия, названный тут Иоанном, схимническим именем, принятым архиепископом в последние годы жизни. Это характеризует

легенду вообще — все, за единичными исключениями, тексты, содержащие редакции легенды о Знаменском чуде, называют архиепископа Иоанном.

Уже на этом этапе присутствуют и характерные для легендарной версии фактические ошибки. Мстислав Андреевич назван Романом, видимо, как отмечалось в научной литературе, из-за ошибочного чтения фразы «...суждалци с Андреевицемъ, Романъ и Мстиславъ съ смоляны...», где «...Андреевицемъ, Романъ...» было воспринято, как инверсированное «Романомъ Андреевицемъ» и заменено на подобное имеющемуся чтение.

Подмена даты битвы датой празднования могла произойти до составления *КНЛ*, либо *КНЛ* содержала обе даты, одна из которых (27 ноября) подменила другую (25 февраля) в результате порчи текста при сокращении, по ошибке переписчика, либо под влиянием стороннего — не летописного — текста, составитель которого не знал новгородских реалий XII в. и указал датой битвы 27 ноября, не видя, должно быть, другой причины установления праздника в честь битвы на этот день. Дата битвы 25 февраля, в последнем случае могла быть сочтена ошибочной и посему отброшена. Хотя дело обстоит иначе с текстами Летописи Авраамки (далее — *ЛА*) и Новгородской четвертой летописи (далее — *Н4*), имеющими, правда, компилятивный характер.

Так, более близкий к *Н1* текст *ЛА* содержит верную дату: «пособи Богъ князю Роману Мъстиславичю с Новгородци, Февраля 25» [ПСРЛ. Т. 16: 45—46], а текст *Н4*, более полно отразивший легенду, и вовсе обе:

И създишася по 3 дни, въ 4 же день, въ среду, мѣсяца февраля 25, на память святаго отца Тарасья, попустиша стрѣлы <...> оставиша праздновати праздникъ Знаменію святѣи Богородици, мѣсяца ноября 27 [ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1: 163—164].

При этом сын Андрея Боголюбского в обеих летописях назван Романом, и оба текста содержат упоминание о 72 князьях, ведших сузальское войско. Это характерная для легенды деталь, которая, впрочем, очень нерегулярно реализуется в текстах.

ству Непорочной Девы Богоматери» [Византийские источники 2010: 115]. Нельзя не вспомнить похожее выражение в кратком рассказе *Н1*: «силою крестною и святою Богородицею» [НПЛ 1950: 32].

В сходных выражениях говорится о чуде уже 860 г. в Малых хрониках: «предстательством Всеславнейшей Богородицы» [НПЛ 1950: 184]. Сам патриарх Фотий во второй гомилии «На шествие росов» говорит, что «пресвятое облачение» Богоматери «обошло стены» и враги ушли от города².

Житие Андрея Юродивого с близким сюжетом было известно в Новгороде уже в XII в. Согласно житию, накануне шествия русов блаженный Андрей, молясь перед богородичными иконами, увидел Богородицу, плачущую и молящуюся. Она вошла в алтарь и оттуда распростерла над коленопреклоненными перед образами людьми свой омофор.

В рассказе летописей, восходящих к *КНЛ*, говорится, что суздальцы пустили «стрѣлы и обратися икона на градъ, и паде на нихъ тма на поли» [ПСРЛ. Т. 15: 22]. Обращение к городу может быть истолковано как знак покровительства и заступления, и именно так этот мотив был развит в более поздних текстах.

В Псковских летописях говорится, что суздальцы «застрѣлиша икону» [Псковские летописи 1941: 10], в *ЛН* — «почаша лишатися» на нее (т. е. причинять ей вред), и именно после этого икона обернулась ликом на град. Это подводит к мысли о том, что в икону могла попасть стрела, от удара которой икона повернулась вокруг собственной оси. Архимандрит Макарий пишет: «Под левым глазом чудотворной иконы находится едва заметное повреждение, вероятно, сделанное стрелою, пущенною суздальским воином в то время, когда чудотворная икона была вынесена св. Иоанном на градские забрала» [Макарий 1860: 59].

² Здесь и далее текст гомилий Фотия цитируется в переводе П. В. Кузенкова по изд.: Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы: 2000. М., 2003. С. 3—172. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Byzanz/IX/860-880/Fotij/text1.htm> (дата обращения: 12.12.2014).

Повторяется свойственный византийской традиции мотив движения чудотворного образа (ср. Богоматерь Римская (Лиддская)) и в более поздних текстах: как икона Богоматери Римской сама движется и дается в руки папе Римскому, так и Знаменская икона «подвижется... сама» и дается в руки новгородскому владыке. Текст «Воспоминания о Знамени» содержит более точное совпадение. Тут, как и в Сказании об иконе Богоматери Римской, икона взлетает в воздух «аки на херувимы» и «всташа на руку архиепископлю».

Текстуальные корреляции этим не ограничиваются. Так, патриарх Константинопольский Фотий в первой гомилии «На нашествие росов» 860 г. призывает обратиться к Богородице как к поручительнице за людей перед Богом:

...настало время <...> обратиться к Матери Слова, единственной нашей надежде и прибежищу. Возопим к Ней, взывая о помощи: Спаси град Свой <...> Владычица! Поставим Ее посредницей к Сыну Ее и Богу нашему и сделаем свидетельницей и ручательницей нами уговоренного Ту, Кто передает просьбы наши <...>. Ее ходатайством будем избавлены от нынешнего гнева...

Сходство выражений обнаруживается в литературных редакциях повествований об осаде Новгорода 1170 г., в общем для большинства источников месте — в молитве владыки Новгородского Иоанна-Илии перед иконой Знамение в церкви Спаса:

о прѣмѣтвага кси Гѣже дво Бѣе влѣце. Прѣтага двѣце. Ты бо кси оупование наше и надежа наша и заступница граду нашему, стѣна и престанице и покровъ всимъ крѣтяномъ, на тебе бо надѣкѣмъ сѧ и мы грѣшнии. Молиса Гѣже Снѣу своѣму и Бѣу нашему за градъ нашъ. Не предаждь насъ врагомъ нашимъ грѣхъ ради нашихъ. Оуслыши Гѣже плачь люден снхъ и прими мѣтвѣу рабѣу своихъ. Избави ны Гѣже градъ нашъ ѿ всѧкого зла и ѿ сѣпостатѣу нашихъ.³ [Лосева 2009: 331—332].

Молитва произнесена также перед битвой, после чего икона, согласно легенде, сама движется от места и дается в руки

³ Молитва приведена по тексту «Слова о Знамени» как наиболее ранней литературной (нелетописной) редакции сюжета. Текст молитвы в прочих редакциях имеет незначительные текстуальные отличия.

архиепископу Илие. В описании битвы литературные редакции сказания продолжают тему предстательства Богородицы перед Богом за христиан:

...тогда Бниимъ промысломъ обратиса икона лицемъ на градъ, и видѣ архієпѣпъ Іванъ текуша слъзы ѿ чѣтныа иконы... симъ бо образомъ молѣтсѧ стѣа Бѣа къ Бнѣу своеу (sic!) не дати в поруганик врагомъ нашимъ... [Лосева 2009: 333].

Вторая гомилия Фотия продолжает византийскую традицию, предполагающую заступление Богородицы за осаждаемый город, также в связи с Покровским культом:

...мы восприяли душами, возложив упования на Мать Слова и Бога нашего, подвига Ея уговорить Сына <...> умиловити прегрешения <...> Ея покров обрести стеною неприступною, Ея умоляя сокрушить дерзость варваров <...> дать защиту отчаявшемуся народу, заступиться за собственное стадо; и пронося Ея облачение, дабы отбросить осаждающих и охранить осажденных...

Стоит отметить, что упоминание знамений от икон Богородицы в рассказе о рассматриваемых событиях присутствует в *Лавр* и *Ип* [об этом см.: Агафонов 2014]:

...слышахомъ бо преже три лѣтъ <...> в трехъ бо церквахъ Новгородскихъ плакала на трехъ иконахъ святая Богородица, провидѣвши бо Мати Божія пагубу, хотящую быти надъ Новымъ городомъ и надъ его волостью, моляшетъ Сына своего со слезами, дабы ихъ отинудъ не искоренилъ, якоже преже Содома и Гомора, но яко Ниневгитяны помиловать... [ПСРЛ. Т. 1: 154].

Можно думать, что аллюзии в отношении Содома и Гоморры и ниневитян внесены в поздние литературные редакции именно под влиянием этих летописей.

